

Д. И. Мишина
(научный руководитель Л. А. Трахтенберг)
Московский государственный университет
Москва, Россия

Литературные и философские интересы К. Н. Батюшкова по материалам записных книжек 1809–1817 гг.

Аннотация: основой статьи служит материал из записных книжек К. Н. Батюшкова, записи в которых были сделаны в 1809–1811-х и 1817 гг. Обращается внимание на интерес поэта к античной и скандинавской мифологии, что подтверждается многочисленными выписками из «Метаморфоз» Овидия, «Скандинавов» Монтброна и знакомством с «Младшей Эддой». Анализируются обращения Батюшкова к сочинениям Сисмонди, Мейснера и Лантье. Раскрывается связь эстетических и мировоззренческих поисков Батюшкова с философскими работами Д'Аламбера и трактатом «О высоком» псевдо-Лонгина.

Ключевые слова: записные книжки, литература XIX века, русско-европейские литературные связи, итальянская литература, мифология, философия.

В истории русской литературы у К. Н. Батюшкова сложилась репутация «парнасского ленивца» [Пушкин, с. 52], поэта-эпикурейца, воспевающего чувственные наслаждения. Неслучайно его лирика ассоциировалась именно с *poesie fugitive* – так называемой «легкой» поэзией, эстетика которой была усвоена Батюшковым и определила его образ «русского Парни». Однако было бы неправильно ограничить художественные поиски Батюшкова только влиянием «легкой» поэзии. Поздний этап творчества поэта характеризуется вниманием к философским темам и теоретико-литературному интересу к античной поэзии. Пролить свет на художественные и мировоззренческие установки Батюшкова могут его записные книжки, материалы которых до сих пор не привлекались для комплексного анализа творчества поэта. Между тем они являются ценнейшим материалом, позволяющим проследить изменение круга чтения Батюшкова и занимающих его вопросов. Поэтому, несмотря на относительную краткость и разрозненность записей, записные книжки Батюшкова способны показать сложный характер эволюции его интересов.

До нас дошли две записные книжки Батюшкова и листы из записной тетради, заполнявшиеся поэтом в 1809–1810 гг. Это листы из тетради большого формата, содержащие прозаические записи и черновые наброски стихотворений [Батюшков, 1989, с. 592]. Записная книжка под заглавием «Разные замечания» была подарена Батюшкову Жуковским, и в ней поэт вел записи в 1810–1811 гг. В книжке содержатся как оригинальные записи, так и многочисленные выписки из других авторов, а также сделанный Батюшковым перевод статьи Карамзина «О счастливейшем времени жизни» на французский язык [Батюшков, 1989, с. 592]. Наконец, третья записная книжка, носящая название «Чужое: мое сокровище!», заполнялась Батюшковым летом 1817 г. В настоящей работе наше внимание будет сосредоточено на текстах преимущественно литературно-критического и философского содержания, привлечших внимание Батюшкова.

Для начала обратимся к выпискам на дошедших до нас листах из записной тетради 1809–1810 гг. Прежде всего, привлекают внимание записи из «Метаморфоз» Овидия. Батюшков переводит в прозе отрывок о нимфе Лето (в переводе Батюшкова она названа Латоной). В этом фрагменте рассказывается о том, как Лето, спасаясь от преследования Юноны, вместе со своими детьми достигла Ликийи, где хотела утолить жажду у озера. Однако пахари, режущие камыш, стали возмущать воду, чтобы богиня и ее дети не могли напиться. Тогда Лето превратила пахарей в лягушек, до сих пор населяющих болота. За переводом этого отрывка следует комментарий Батюшкова: «Какая прекрасная басня! а таковых в мифологии, в неисчерпаемом кладезе красот, бездна!» [Батюшков, 1989, с. 8]. Упоминает Батюшков и эпизод о кумской сивилле, также почерпнутый им из овидиевых «Метаморфоз». Описывая

город Кумы близ Неаполя, Батюшков отмечает, что там «был вход в Цивиллину пещеру» [Батюшков, 1989, с. 10]. На наш взгляд, апелляция к мифу о кумской сивилле в записи, носящей сугубо фактологический характер, свидетельствует о свободном оперировании сюжетами из «Метаморфоз», что позволяет свободно включать их не только в художественную, но и в бытовую сферу.

Также нам кажется интересным упоминание в тех же листах из записной тетради двух романов, в которых Батюшкова, судя по записям, привлекла не только художественная сторона, но и историко-культурные факты. Так, в одной из заметок Батюшков говорит об афинском полководце Алкивиаде, во время своей речи бросившем в толпу титру, которую народ тут же начал ловить. Это является пересказом эпизода из популярного в то время в России романа Августа Мейснера «Алкивиад». Комментируя этот фрагмент, Батюшков рассуждает не только о личности полководца, но и о народе, который «всегда увлечен более видимыми предметами, нежели рассудком» [Батюшков, 1989, с. 8]. Второй раз Батюшков обращается к роману Мейснера, когда пишет о том, как Алкивиад занимал толпу своей собакой, чтобы отвлечь внимание народа от более важных дел. Чтобы собака была в центре всеобщего внимания, афинский полководец отрубает ей хвост, и «народ снова начал заниматься, говорить, бегать за нею» [Батюшков, 1989, с. 13]. Как отмечает сам Батюшков, в это время Алкивиад «предпринял порабощение республики» [Батюшков, 1989, с. 13]. Так, Батюшкова в художественном романе интересует не сюжет и не поэтика, а изменчивость мнения толпы, которой легко управлять.

Выписки из другого романа, появившиеся в записной тетради, сделаны из романа Эмиля Лантье «Антеноровы путешествия по Греции и Азии». Это приключенческий роман, написанный в жанре путешествия, который был популярен в эпоху Просвещения. Лантье выдает роман за перевод с греческой рукописи, якобы найденной в развалинах древнеримского города Геркуланум. Батюшкова в этом романе привлекают не художественные особенности, а факты и размышления автора о жизни и смерти. Так, из романа Батюшков делает подробные выписки со сведениями о Дельфийском храме: «проникшие туда Пастух и Жители вдыхают вредные испарения и в отсутствие разума произносят несвязные изречения. Слова сии были приняты за пророческие предсказания...» [Батюшков, 1989, с. 13]. Итак, в романах Батюшкова привлекают факты из истории и культуры, которые он и записывает в своей тетради. В это время также наблюдается повышенный интерес Батюшкова к древнегреческой и древнеримской мифологии.

Далее мы рассмотрим записную книжку «Разные замечания» 1810–1811. Нам известно, что в ней содержатся выписки из Тацита, Ювенала, Монтеня, Бартеlemi, Метастазиио, Евангелия от Матфея и книги пророка Иеремии. В своих заметках Батюшков показывает знание «Элементов философии», «Предисловия к Энциклопедии» и «Очерка происхождения и развития наук» Д'Аламбера [Батюшков, 1989, с. 24]. Из записи мы точно знаем, что Батюшков «смог прочитать его философию» и считает лучшим сочинением Д'Аламбера «Предисловие к Энциклопедии». Однако интересно прежде всего отношение Батюшкова к французскому философу. Так, поэт, рассуждая о сочинениях Д'Аламбера, определяет его как схоласта, а Дидро сравнивает с Кальвином и Лютером. Этот небольшой пассаж показывает интерес Батюшкова к философии и его свободное ориентирование в средневековой истории и религии, т.к. свободное проведение параллелей между французскими просветителями и деятелями Реформации требовало знания как исторического контекста, так и богословской мысли Средневековья. В другом месте, говоря о философии эпикурейцев – аббатов Шолье и Шапеля – Батюшков отмечает, что они не могли быть «так счастливы, как об этом пишут» [Батюшков, 1989, с. 18]. В этой же записи он упоминает Паскаля и Ларошфуко, «Максимы» которого он цитирует и в своих письмах.

В 1808–1811-х гг. Батюшков активно интересуется скандинавской мифологией, что нашло выражение в поэзии этого периода. К этому времени относятся переводы отрывков из поэмы Парни «Иснель и Аслега», перевод «Песни Гаральда Смелого», а также включение и древнегерманских мотивов в стихотворениях «Мечта», «Послание к Н. И. Гнедичу» 1805 г.,

элегии «На развалинах замка в Швеции» и «Переход через Рейн». В записной книжке находим выписки о пантеоне древнескандинавских богов, носящие характер конспектов. Делая свои выписки, Батюшков, в частности, ссылается на «Младшую Эдду» Снорри Стурлусона: «В книге «Эдда» (или гот<ическое> баснословие) говорят о каком-то адском псе Монагармаре...» [Батюшков, 1989, с. 23]. Сведения же о скандинавской мифологии Батюшков берет из примечаний к поэме Монтброна «Скандинавы» [Батюшков, 1989, с. 594]. Этот случай интересен тем, что Батюшков сосредотачивается не на самой поэме, а именно на примечаниях, в которых содержатся теоретические сведения, и считает необходимым занести их в записную книжку. Так, данные заметки Батюшкова представляют собой краткие, начинающиеся с красной строки выписки о таких персонажах скандинавской мифологии, как валькирии, норниры, Гела, Лукк. Изучение пантеона скандинавских богов наталкивает Батюшкова и на размышление, касающееся природы верховного бога Одена, который, в отличие от языческих богов других народов, не является бессмертным: «сие страшное божество <...> и его Валкалла, исполинские чертоги, должны некогда пасть перед роком! Следственно, Оден есть первый бог, которому народы не даровали вечности!» [Батюшков, 1989, с. 23].

Если в записных книжках 1809–1811-х гг. мы наблюдали интерес Батюшкова к мифологии и истории, то в 1817 г. вектор его интереса направлен на литературно-критические и религиозные трактаты. Так, в записной книжке «Чужое: мое сокровище» Батюшков делает конспекты из книги С. де Сисмонди «О литературе юга Европы» (1813), причем конспект этого сочинения является самой объемной записью в книжке. Весьма интересно, в «De la littérature du midi de l'Europe» Сисмонди дает отрицательную оценку творчеству Петрарки, которую Батюшков, поклонник итальянского поэта, «не мог принять» [Пильщиков, с. 25]. Тем не менее, сведения об истории итальянской словесности и характерные черты творчества итальянских писателей XVI–XVIII вв. оказываются для Батюшкова настолько ценными, что он делает обширные выписки из Сисмонди. Записная книжка «Чужое: мое сокровище!» находится в архиве РНБ (ф. 50, ед. хр. 10), и пометы Батюшкова, которыми сопровождался конспекты, могут прояснить характер отношения поэта к тому, что он с такой тщательностью выписывал. Так, конспектируя сведения о Марини, итальянском поэте XVI века, основоположнике школы *seicentisti*, Батюшков пересказывает следующий эпизод из жизни Марини. Стихи Марини, исполненные дурного вкуса» [Батюшков, 1885, с. 298], стали популярны в Италии и вызывали ожесточенные споры между его поклонниками и критиками. Гаспар Муртола, известный своей ненавистью к Марино, пытался убить своего более удачного на поэтическом поприще соперника выстрелом из аркебузы. Далее Батюшков отмечает: «столь была велика Злоба... за сонеты» [РНБ, ф. 50, ед. хр. 10, л. 12]. В издании Майкова слово «злоба» написано со строчной буквы, вместо троеточия, проставленного в рукописи, стоит тире [Батюшков, 1885, с. 298]. На наш взгляд, данные особенности, присутствующие в рукописи, помогают реконструировать восприятие данного эпизода самим Батюшковым: для него злоба за сонеты – это злоба, связанная с различным пониманием поэзии и потому достойная быть написана с заглавной буквы как некое «великое» проявление гнева. Троеточие же маркирует почти драматическую паузу, за которой следует раскрытие причины ненависти Муртолы к Марино – «сонеты».

Делает Батюшков и обширные выписки из трактата «О возвышенном» псевдо-Лонгина. Из древнегреческого трактата о теории литературы и искусства Батюшков переписывает отрывки, в которых анонимный автор сравнивает Гипериона и Демосфена, а далее – Платона и Лизия. В первом отрывке сравнивается искусство двух ораторов. Гиперион значительно превосходит Демосфена: его слог преисполнен художественными красотами, ирония остра, ответы на выпады оппонентов убедительны. Демосфен же во многом уступает своему сопернику, однако автор трактата отдает предпочтение именно ему, потому что одушевлен жаром вдохновения, а Гиперион в своих выступлениях холоден и руководствуется рассудком: «Гиперидовы красоты <...> не имеют в себе ничего величественного и родились из сердца, не согретого жаром вдохновения» [Батюшков, 1885, с. 364]. Поэтому примечательно не только знакомство Батюшкова с трактатом «О возвышенном», но и то, что его внимание привлек

отрывок, противопоставляющий два вида ораторского мастерства или – шире – два подхода к творчеству в принципе.

Второй отрывок из того же трактата («О Платоне и Лизие») посвящен рассуждению о человеческой природе, которая с самого рождения вселила в душу человека «неодолимую страсть ко всему великому и божественному» [Батюшков, 1885, с. 365]. Пафос данного пассажа заключается в том, что человек поражается каким-либо величественным явлениям, не замечая прелести чего-то малого: так, человек удивляется не зажженному им огоньку, который его согревает, а небесным светилам, которые могут скрыться, и вулканам, которые, извергаясь, приносят разрушение. То, что для Батюшкова оказался важен данный фрагмент, показывает, что, читая трактат об эстетике и теории литературы, поэт обращает внимание на вопросы, касающиеся человеческой природы. Именно поэтому для него оказываются важны не только теоретические сведения, но и понимание древними человеческой психологии.

Итак, мы наметили лишь некоторые контуры интересов Батюшкова, о которых дают представления записи, сделанные им в записных книжках разных лет. Этим не исчерпывается широта философских, религиозных, научных и литературных интересов Батюшкова, однако уже выделенные нами группы помогают сформировать представление не только об интересах Батюшкова, но и об их эволюции. Так, если в записных книжках 1809–1811 гг. Батюшкова привлекали античная история мифология (древнегреческая, древнеримская и скандинавская), то в 1817 г. он проявляет повышенный интерес к сочинениям теоретико-литературного и философского содержания.

Литература

Батюшков К. Н. Сочинения. В 2-х т. Т. 2: Из записных книжек; Письма. / Сост., подгот. текста, коммент. А. Зорина. – М.: Художественная литература, 1989.

Батюшков К. Н. Чужое – мое сокровище // Батюшков К. Н. Сочинения: в 3 т. / Сост. о жизни и соч. К. Н. Батюшкова, написанной Л. Н. Майковым, и примеч., составленными им же и В. И. Саитовым. – СПб.: П. Н. Батюшков, 1885–1887. – Т. 2: Проза. – 1885. – С. 288–367.

Пильщикова И. А. Петрарка в России (Очерк истории восприятия) // Петрарка в русской литературе: в 2-х кн. Кн. 1. – М.: Рудомино, 2006. С. 15–41.

Пушкин А. С. К Батюшкову («Философ резвый и прит...») // Константин Батюшков: Эпоха. Поэзия. Судьба: В 2 кн. Кн. 1. Исследования и материалы. 2008. С. 52–54.

РНБ, ф. 50, ед. хр. 10, л. 12.

Mishina D. I. Batyushkov's literary and philosophical interests in the notebooks of 1809–1817.

Abstract. The paper deals with the materials from K. N. Batyushkov's notebooks, the entries in which were made in 1809–1811 and 1817. Attention is drawn to the poet's interest in ancient and Scandinavian mythology, that is confirmed with numerous extracts from Ovid's "Metamorphoses", Montbrun's "Scandinavians" and acquaintance with the "Younger Edda". The author analyzes Batyushkov's references to the works of Sismondi, Meissner and Lantier. The connection of Batyushkov's aesthetic and ideological searches with the philosophical works of D'Alembert and the treatise "On the Sublime" by pseudo-Longinus is revealed.

Keywords: notebooks, literature of the XIX century, Russian-European literary relations, Italian literature, mythology, philosophy.